

постараемся, – нет, не подражать им, ибо подражание не много стоит, но превзойти их, подобно тому как наша святая вера превосходит их суеверия, а век наш и чище, и умнее, и прекраснее, чем те времена, когда им довелось жить и запечатлеть в веках свою доблесть.

Сеньор де Шольер Девять утренних бесед и послеполуденные беседы⁵⁴¹

О некоем кастрате⁵⁴²

Надо вам знать, что этот самый метр Никола взял в жены даму, которой отсутствие бороды не внушило никаких опасений; а ведь мужчина без бороды – что музыкант без рожка, – дуди не дуди, а толку – чуть! Впрочем, как только он принялся заниматься с ней любовью, тут же и выяснилось, что всадникам вроде него на лошадку не взобраться! Вышедши замуж эдаким образом и уразумев, что к чему, она посчитала себя обделенной – и была права: ей, можно сказать, вручили кошелек, а внутри-то было пусто. Ее так называемый муженек в двери-то ломился рьяно, да запоры были для него чересчур крепки. Он же мерил жену на свой аршин и полагал, что раз уж он взял на себя столь тяжкий труд, то нечего и ей нос от него воротить, – пусть разделит с ним работу, тем паче, что в работе этой он находил не так уж много вкуса.

Протерпев, елико возможно, потуги и посулы супруга, дама, распаленная его авансами, взяла да и завела себе любовника, и уж он-то полностью заменил ей мессира Никола, которого сколько ни тряс, все равно ничего путного не вытрясешь. Так вот, для того, чтобы восполнить недостачу, она и завела знакомство, сеньор доктор, с одним, э-э... ну, да вы его не знаете. Этот ее милый оказался весьма прытким, и два месяца спустя добронравная дама убедилась, что она с прибылью, – то-то было слез да огорчений, – только не со стороны метра Никола, который от радости раздулся, как жаба. Спустя девять лун пришла пора собирать урожай с посева – и дама разрешилась от бремени красивой девочкой. Узнав об этом, все только руками развели: «Чудеса, да и только!» – а с течением времени люди стали поговаривать, что метр Никола тут, собственно, *dominus non sunt*⁵⁴³ и что ежели хорошенько обмозговать дельце, то выходит, что его женушкой пользовался не он один. Некоторые особенно злобствовали, видя, как адвоката обводят вокруг пальца, и весьма резонно ему доказывали, что сия монетка – не из его кошны. И подобными доводами так его настропалили, что едва его жена оправилась от родов, как он начал дурно с нею обращаться, осыпать попреками и чуть было не выгнал из дому. Родители ее бросились на защиту и сумели уладить дело настолько, что метр Никола приутих и сменил гнев на милость, однако, когда девочке пошел тринадцатый год, он решил раз и навсегда от нее откреститься и не давать ей приданого, с каковой целью и заявил жене, что он не признает девочку своею дочерью и посему не видать ей ни лиарда из его состояния. Вот и представьте себе печаль и злополучие женщины, очутившейся в таком положении. У метра Никола с его безволосой физиономией на ту пору явилась мысль подышать деревенским воздухом; он отправил за собою и свое семейство, думая, что вдали от города все как-нибудь образуется; но ничуть не бывало! Его жена держала довольно смазливую горничную, с которой метр Никола как-то попытался взимать недоимки, задержанные ему супругой, но тут кто-то некстати помешал ему на полдороге. Горничная пожаловалась хозяйке на бесчестье, которое хотели ей учинить, и просила ее заступиться.

– Напротив, – ответила та, – соглашайся на все, что он от тебя хочет; я потом выдам тебя за-

⁵⁴¹ Жан Дагоно (1509–1592), прозванный сеньором Шольером, был плодовитым писателем. О его жизни почти никаких достоверных сведений нет. Его основные сочинения – «Девять утренних бесед» и «Послеполуденные беседы» – были напечатаны в Париже в 1585 году. В этих книгах среди рассуждений на морально-этические, исторические, бытовые и другие темы («О золоте и железе», «О женщинах безобразных и красивых», «О ревности мужской и женской», «О семейном согласии», «О браке», «О болтовне и кокетстве женщин» и т. д.), обнаруживающих большую начитанность писателя, разбросано несколько вставных новелл, призванных проиллюстрировать то или иное положение автора. Научное издание сочинений Шольера было осуществлено лишь однажды – в 1879 году Полем Лакруа.

⁵⁴² Из книги «Девять утренних бесед» (из беседы 4-й – «О кастратах»).

⁵⁴³ Ни при чем (*лат.*).